
ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Часть I¹

Г.А. ЯСТРЕБОВ*

***Ястребов Гордей Александрович** – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ, НИУ ВШЭ; докторант Европейского университетского института. Адрес: 115054, Москва, Малая Пионерская ул., д. 12, офис 553. E-mail: gordey.yastrebov@gmail.com

Цитирование: Yastrebov G. (2016) Social Mobility in Soviet and Post-Soviet Russia: a Revision of Existing Estimates Using Representative Surveys of 1994, 2002, 2006 and 2013. Part 1. *Mir Rossii*, vol. 25, no 1, pp. 7–34 (in Russian)

Работа посвящена сравнительному анализу процессов социальной мобильности в советской и постсоветской России. Новизна данной работы по отношению к существующей литературе раскрывается, по крайней мере, в трех направлениях. Во-первых, наш анализ охватывает динамику от советской России преимущественно послевоенных лет к позднесоветскому периоду и от России переходного периода к периоду относительной стабилизации в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Во-вторых, мы рассматриваем социальную мобильность одновременно в трех ее ключевых аспектах: территориальном, образовательном и социально-профессиональном. В-третьих, в соответствии со сложившейся

¹ Статья подготовлена по материалам исследований, осуществлявшихся при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014–2015 гг. (проект №14-01-0157) и Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г. (проект «20 лет спустя. Перемены в социальной структуре общества и социальном воспроизводстве россиян (по материалам повторных представительных опросов. Январь 1994 г. – декабрь 2013 г.)). Автор также выражает глубокую благодарность сотрудникам Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ: ее заведующему и вдохновителю О.И. Шкаратану, стажерам-исследователям Е.И. Гасюковой, И.О. Курочкиной и С.А. Коротяеву за обсуждение идей и результатов данного исследования, а также колоссальную работу, связанную с объединением базы представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг., в процессе которой была произведена гармонизация ключевых переменных, осуществлен дополнительный ремонт выборки и выработаны алгоритмы для подготовки данных к дальнейшему анализу.

в специализированной литературе традицией мы приводим оценки не только абсолютной, но и относительной социальной мобильности, используя для этих целей логлинейный анализ. Последний крайне редко используется отечественными исследователями и, следовательно, статья представляет отдельный интерес с точки зрения знакомства с используемым методом.

Ядро работы составляют результаты эмпирического анализа, выполненного на материалах повторных представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг., проводившихся по схожей программе с целью получения репрезентативных данных о характере социальной стратификации и социального воспроизводства в российском обществе. Полученные в исследовании результаты свидетельствуют о неоднозначности рассматриваемых процессов и заставляют пересмотреть некоторые оценки, ранее полученные другими исследователями. К ключевым результатам мы относим: 1) снижение территориальной мобильности и усиление замкнутости территориальных общностей; 2) снижение, а не усиление фактора семьи с точки зрения перспектив образовательной мобильности в постсоветской России; 3) инвариантность относительной социально-профессиональной мобильности как в советском, так и постсоветском периоде.

В первой части статьи, публикуемой в данном номере, читатель познакомится с существенными различиями между «абсолютной» и «относительной» социальной мобильностью, известными фактами о социальной мобильности в советский и постсоветский период, теоретическими соображениями, лежащими в основе гипотез данного исследования, и общими методологическими аспектами работы. Анализ открывается представлением количественных оценок абсолютной социальной мобильности.

Ключевые слова: социальная мобильность, равенство шансов, абсолютная мобильность, относительная мобильность, межпоколенная мобильность, постсоветская Россия, логлинейный анализ

Введение

Интенсивность и направленность процессов социальной мобильности рассматриваются социологами как одни из ключевых индикаторов, позволяющих оценить степень открытости современных обществ, а точнее преодолимости тех ограничений, которые связаны с независимыми от воли людей социальными (в широком смысле) обстоятельствами и в то же время препятствуют реализации их амбиций, талантов и творческого потенциала. Представление о том, как в действительности развиваются эти процессы, дает возможность оценить успехи общества в решении проблемы равенства шансов – проблемы, являющейся, по признанию многих ученых, краеугольной с точки зрения достижения оптимального баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

В то же время последние сравнительные исследования показывают, что современный мир по-прежнему далек от решения этой проблемы. За последние 20 лет были реализованы как минимум три крупных исследовательских проекта, в которых опровергается тезис о растущей социальной мобильности и приводятся убедительные доказательства в пользу того, что наследование социальных (клас-

совых) преимуществ является неизбежной характеристикой даже самых продвинутых обществ [Erikson, Goldthorpe 1992; Shavit, Blossfeld 1993; Breen 2004].

Представители различных идейных направлений рассматривают разные механизмы социального (классового) воспроизводства, однако сам факт признается всеми: данная закономерность связана с внутренней логикой современного капитализма и является его неотъемлемой чертой. Однако те же исследования показывают, что отдельным странам (скандинавским) все же удалось достичь определенных успехов в решении этой проблемы, прежде всего благодаря активной социальной политике и вмешательству государства [Breen 2004]. Тем самым социальная мобильность может рассматриваться еще и как некоторое отражение эффективности институциональных мер, принимаемых государством для активизации творческого потенциала различных групп населения.

В связи с вышесказанным актуальность проблемы изучения социальной мобильности в постсоветской России представляется очевидной. Возможность сравнить динамику социальных перемещений за отдельные периоды ее советской и постсоветской истории дает нам возможность по-новому взглянуть на характер ключевых институциональных преобразований и оценить их последствия для структуры социального неравенства и процессов социальной стратификации.

В данной работе мы ставим перед собой целью рассмотреть процессы социальной мобильности в российском обществе, а также представить количественные оценки этой мобильности. Принципиальной новизной этого анализа для российского контекста является то, что мы 1) рассматриваем указанные процессы в достаточно широкой исторической перспективе (эту возможность дает нам широкая представленность различных поколений в информационной базе наших опросов) и 2) даем оценки социальной мобильности, связанные не только со структурными изменениями, но и со сменой институционального контекста, влияющего на относительные шансы достижения различных социальных позиций в зависимости от исходных точек индивидуальных социальных маршрутов.

Известные факты о социальной мобильности в России и новые гипотезы

Перед тем, как мы перейдем к представлению известных фактов о социальной мобильности в советский и постсоветский периоды, дадим ключевые определения, которыми мы пользуемся данной работе. Под социальной мобильностью мы преимущественно понимаем межпоколенные социальные перемещения, связанные со сменой профессионального статуса, образования и места жительства. Однако, принимая во внимание, что нас интересуют последствия не только структурной, но и институциональной перестройки общества, мы вслед за многими другими авторами [Grusky, Hauser 1984; Erikson, Goldthorpe 1992; Breen 2004 и др.] также различаем абсолютную и относительную социальную мобильность.

Абсолютная социальная мобильность (или фенотипическая в терминологии Р. Эриксона и Дж. Голдторпа [Erikson, Goldthorpe 1992]) относится к масштабам

перемещений безотносительно к изменениям в структуре позиций или возможностей между двумя поколениями. Например, в результате стремительной урбанизации населения территориальная мобильность в обществе может поддерживаться на высоком уровне просто за счет того, что меняется соотношение между пропорциями городского и сельского населения. То же можно сказать в отношении образовательной мобильности, которая в современное время особенно подпитывается «массовизацией» высшего образования [Клячко 2009]. Но в том случае, если исследователя интересует, в какой степени наблюдаемые изменения мобильности обусловлены качественными (например, институциональными), а не количественными (структурными) изменениями, используется понятие относительной (или генотипической) мобильности. Анализ относительной социальной мобильности предполагает сравнение шансов на осуществление одних и тех же социальных перемещений в зависимости от происхождения. При этом заметим, что иногда используемое в отечественной литературе понятие «всеобщей относительной социальной мобильности», введенное классиком социологии П. Сорокиным [Sorokin 1959], тождественно представленному здесь понятию абсолютной мобильности и не должно вводить в заблуждение.

В 1970–1980-е гг. проблемы социальной мобильности активно исследовались советскими социологами [Руткевич, Филиппов 1970; Лукина, Нехорошков 1982; Тарасенко, Черноволенко 1988; Филиппов 1989]. В этих работах была продемонстрирована впечатляющая динамика советского общества, которое претерпело кардинальные изменения под воздействием индустриализации, а также сопровождавших ее процессов урбанизации населения, повышения его грамотности и образованности, увеличения участия женщин в сфере образования и трудовой деятельности. Мобильность в таком обществе была очень высокой и действительно выгодно выделяла Советский Союз на фоне западных стран, прошедших через эти процессы ранее. Однако важно заметить, что попытки советских ученых признать советское общество исключительно открытым на базе полученных ими оценок мобильности были не совсем состоятельными, поскольку их анализ сводился лишь к абсолютной мобильности.

Тезис об исключительной открытости советского общества был поставлен под сомнение уже в первых работах западных ученых, в которых была проведена декомпозиция социальной мобильности на ту ее часть, которая обусловлена масштабными структурными изменениями, и ту, которая сдерживалась наличием определенных барьеров между социальными группами. В частности, в отношении образовательной мобильности было показано, что общее расширение доступа к среднему специальному и высшему образованию начиная с 1950-х гг. не сопровождалось снижением социального неравенства, т.е. зависимости шансов на его получение от происхождения [Gerber, Hout 1995]. Если точнее, то наблюдавшееся в эти годы снижение социального неравенства при отборе в техникумы компенсировалось его усилением при отборе в высшие учебные заведения. Аналогичные этому тенденции ранее были выявлены в некоторых западных странах [Shavit, Blossfeld 1993], и они в современной литературе прочно ассоциируются с гипотезой о «максимально поддерживаемом неравенстве» (*maximally maintained inequality, MMI*) [Raftery, Hout 1993]. Данная гипотеза исходит из того, что наиболее продвинутые социальные группы при любых

обстоятельствах стремятся реализовать свои преимущества и передать их детям. В результате происходит так, что даже при механическом расширении возможностей выигрыши от него в обществе распределяются неравномерно, тем самым подерживая постоянное воспроизводство неравенства.

Выводы, полученные в отношении межпоколенной социально-профессиональной мобильности в позднесоветской России [Marshall, Sydorenko, Roberts 1995; Teckenberg 1990], как правило, отличались не меньшим скепсисом. По оценкам западных социологов, полученным на российских данных и в том числе с участием российских коллег, характер этой мобильности в относительном выражении мало чем отличался от мобильности, например, в Великобритании [Marshall, Sydorenko, Roberts 1995]. Это можно связать с универсальностью некоторых механизмов воспроизводства социального неравенства, которое поддерживается не только и не столько в силу материального и имущественного расслоения (которое в социалистических обществах, очевидно, было не столь выраженным, как в западных рыночных), сколько благодаря преемственности культурного и социального капиталов, также аккумулируемых в семье [Bourdieu 1983; Bourdieu, Passeron 1990]. Добавим к этому, что в одном из наиболее известных сравнительных исследований под руководством Р. Эриксона и Дж. Голдторпа на материале трех социалистических стран (Венгрии, Польши и Чехословакии), собранном в 1970-е гг., также было показано, что относительная социальная мобильность в социалистических обществах была впечатляющей разве что в первые годы социализма и что она стала намного умереннее в последующие годы [Erikson, Goldthorpe 1992].

С начала 1990-х гг. сюжеты о социальной мобильности, включая попытки сравнительного ее анализа в советский и постсоветский период, также неоднократно поднимались в работах отечественных ученых (напр.: [Черныш 1994; Авраимова 1999; Громова 1998; Голенкова 1999; Черныш 2005; Ястребов 2009; Шкаратан, Ястребов 2011]). Несмотря на разнообразие используемых данных и исследовательских подходов, большинство из перечисленных работ так или иначе сходятся в том, что процесс модернизации российского общества вовсе не сопровождался увеличением потоков социальной мобильности: наоборот, в послереформенной России имело место постепенное «закрытие» основных социальных групп, общее снижение интенсивности перемещений и сужение возможностей для социального роста россиян.

Из последних, наиболее свежих работ хотелось бы отметить анализ, проведенный М. Козыревой, в котором на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE) затронут социально-профессиональный аспект мобильности [Козырева 2013]. Данная работа замечательна своей глубокой профессиональной оценкой, которую автор дает общим изменениям в социально-профессиональной структуре современного российского общества и тенденциям межпоколенной мобильности в указанном разрезе. В частности, отмечен специфический для постсоветской России парадоксальный характер развития социально-профессиональной структуры: с одной стороны, ему свойственно характерное для постиндустриального уклада увеличение доли людей, занятых в сфере управления и интеллектуально емкими видами деятельности, а с другой – деиндустриализация, в результате которой сокращается потребность в производительной

рабочей силе (квалифицированных рабочих) и, наоборот, растет прослойка работников, занятых рутинным, малоквалифицированным нефизическим трудом в сфере торговли и обслуживания. Указанные структурные изменения, по мнению Козыревой, являются ключевыми для осмысления социально-профессиональных траекторий нынешних поколений россиян по отношению к своим родителям.

Тем не менее мы вынуждены признать, что при всей профессиональности оценок, высказанных выше перечисленными отечественными социологами, ни одна из упомянутых работ не рассматривает всерьез динамику относительной социальной мобильности и не позволяет ответить на вопрос о том, как изменялась ситуация с равенством возможностей в российском обществе.

Единственной работой, принадлежащая перу отечественного автора, которую нам удалось найти и в которой содержится попытка такого типа анализа, является работа Я. Рощиной [*Roshchina* 2012], также выполненная на данных RLMS. Используя средства регрессионного анализа, Я. Рощина рассмотрела мобильность в разрезе трех крупных когорт 1946–1960, 1961–1975 и 1976–1990 годов рождения. В своей работе она заключает, что шансы на получение более высокого уровня образования, несмотря на общее расширение образовательных возможностей и позитивные сдвиги в образовательной структуре населения, для постсоветских поколений (самых младших когорт) стали более строго привязаны к образовательному статусу родителей, чем для поколений советских времен (самых старших). Впрочем, данное заключение является несколько неожиданным в свете того, что фактические результаты [*Roshchina* 2012, р. 1423] свидетельствуют, скорее, о V-образной динамике в общем режиме мобильности: более высокой обусловленности шансов на престижное образование от образования родителей (причем как по матери, так и по отцу) для когорт 1961–1975 годов рождения, и, наоборот, более низкой – для «крайних» когорт 1946–1960 и 1976–1990 годов рождения (это обстоятельство в работе никак не комментируется). К тому же выбранная методика сравнения (с оценкой моделей на трех самостоятельных выборках, разбитых по когортам) не только не позволяет провести тест на статистическую значимость различий между выявленными коэффициентами связи, но также не является удачной в связи с дефектами, свойственными мультиномиальным логистическим регрессиям, которые использует Рощина [*Allison* 1999; *Mood* 2010; *Breen, Holm, Karlson* 2014]².

Единственная знакомая нам работа, в которой сравнение режимов относительной социальной мобильности между советской и постсоветской Россией проведено с использованием адекватных задаче методов, это исследование американских социологов Т. Гербера и М. Хоута [*Gerber, Hout* 2004]. Проанализировав данные, собранные в России за период с 1988 по 2000 гг., они пришли к выводу о том, что глубинные институциональные изменения, которые претерпело российское общество в процессе перехода от социализма к рыночным отношениям, в действительности оказали решающее воздействие на характер социальных перемещений.

² Сравнение коэффициентов между мультиномиальными логистическими регрессионными моделями можно осуществлять только в том случае, если выдерживается предположение об одинаковых параметрах распределения остатков (т.е. характеристиках ненаблюдаемой неоднородности). Однако нередко в логистических регрессиях это условие нарушается при использовании разных выборок или моделей с разным набором переменных. Подробную аргументацию см. в перечисленных к ссылке работах.

В частности, Герберу и Хоуту удалось показать, что в период позднего социализма мобильность носила высокоинтенсивный характер, однако после значительных пертурбаций начала 1990-х гг. и состоявшегося транзита к рыночной экономике социальная мобильность в России приобрела черты, присущие этому процессу в западных странах, а именно классовый характер, при котором социальное происхождение (статус родительской семьи) в значительной степени определяет перспективы социального продвижения. Авторы объясняют выявленную динамику следующим образом. При социализме конкуренция за места в социальной структуре была не столь выраженной прежде всего в силу невысокого социально-экономического неравенства и поддерживающей его системы институтов. Однако в результате рыночных реформ социально-экономические разрывы между социальными группами существенно выросли, что значительно увеличило стимулы для мобилизации ресурсов в процессе межклассовой конкуренции и актуализировало роль семьи и социального происхождения.

Добавим, что этот вывод согласуется с широко известной в литературе по мобильности гипотезой Фитермана-Джоунза-Хаузера [*Featherman, Jones, Hauser 1975*], согласно которой все рыночные общества с преимущественно нуклеарной организацией семьи должны иметь примерно одинаковый режим относительной социальной мобильности. Такой режим предполагает характерный уровень наследуемости социальных позиций, связанный с внутренней логикой рыночного общества, при которой имеющиеся в распоряжении семьи социальные и экономические преимущества беспрепятственно капитализируются и реализуются в следующем поколении. Согласно уже упомянутой работе Эриксона и Голдторпа, степень этой наследуемости может быть поколеблена только при радикально иной системе институтов (в частности, при социалистическом или социал-демократическом устройстве общества (см.: [*Erikson, Goldthorpe 1992*]) или, согласно классику социологии П. Сорокину, в периоды сильных социальных потрясений [*Sorokin 1959*, pp. 141–152, 466–472]. Впрочем, показательно, что аналогичный переход от более открытого режима социальной мобильности к более закрытому в результате рыночных преобразований также был засвидетельствован в других постсоциалистических странах, например, Венгрии [*Bukodi, Goldthorpe 2010*; *Róbert, Bukodi 2004*] и Эстонии [*Saar 2010*].

Как уже было заявлено во введении, в данной работе мы ставим задачу расширить палитру знаний о процессах социальной мобильности в советской и постсоветской России. При этом наш ожидаемый вклад в существующую литературу состоит в следующем. Во-первых, мы используем для этого данные специализированных опросов российского населения, которые разрабатывались с целью изучения процессов социальной мобильности и социального воспроизводства (они будут представлены в соответствующем разделе). Во-вторых, мы задействуем ранее не раскрытый потенциал этих данных для изучения указанных процессов в ретроспективе и, в частности, с их помощью пытаемся реконструировать более непрерывную динамику: от советской России послевоенных лет к позднесоветскому периоду и от России переходного периода к периоду относительной стабилизации в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В-третьих, мы рассматриваем социальную мобильность одновременно в трех ее ключевых аспектах: территориальном,

образовательном и социально-профессиональном. Наконец, мы приводим оценки не только абсолютной, но и относительной социальной мобильности, используя для этих целей специальные методы, в соответствии со сложившейся в научной литературе традицией [Breen, Jonsson 2005].

Что касается конкретных гипотез, то мы ожидаем увидеть следующее. Опираясь на рассмотренные выше факты и интерпретации применительно к абсолютной социальной мобильности, мы предполагаем обнаружить высокую динамику преимущественно восходящих социальных перемещений в советский период с ее постепенным угасанием к началу 1990-х гг. Весьма характерные в этом отношении иллюстрации приводятся на *рисунках 1* и *2*. Как видно, ресурс территориальной и в меньшей степени образовательной мобильности к этому периоду в значительной степени себя исчерпал. Впрочем, отметим, что более детальный анализ территориальной мобильности, предпринимавшийся до нас другими авторами по данным переписей населения, отчасти предвосхищает наши результаты, полученные по материалам представительных опросов [Мкртчян 2013]. Что же касается абсолютной мобильности по социально-профессиональному статусу, то, в соответствии с ранее приводившимися оценками [Козырева 2013; Шкаратан, Ястребов 2011; Gerber, Hout 2004] и с двойственным характером изменений в социально-профессиональной структуре в постсоветский период (см. выше), мы в целом не ожидаем каких-либо радикальных изменений в интенсивности восходящих/нисходящих перемещений.

Что касается относительной социальной мобильности, то мы вполне можем допустить, что российское общество было наиболее открытым для перемещений в годы советской власти в силу более активного вмешательства государства в соответствующие процессы. Однако нельзя исключать, что проницаемость социальных барьеров даже в социалистическом обществе зависит от активности социальной политики и действий, направленных на устранение этих барьеров. Согласно оценкам некоторых отечественных и зарубежных исследователей (напр.: [Matthews 1989; Борисов 1994; Яковлев 2012]), советское общество в последние десятилетия своего существования характеризовалось определенной закостенелостью социальной структуры и уже не обеспечивало достаточно эффективного функционирования социальных лифтов. Радикальные трансформации начала 1990-х гг., сопровождавшиеся перестройкой социальной структуры и институциональной реорганизацией общества, вполне возможно, могли привести к временному разрушению некоторых социальных барьеров. Как и в результате любой другой социальной революции, вслед за П. Сорокиным мы ожидаем, что преимущества, накопленные при прежней системе (прежде всего социальный, культурный и человеческий капитал), могли утратить свою ценность в новых условиях и тем самым способствовать временному выравниванию возможностей. Однако в процессе стабилизации российского общества, выстраивания новых структур и постепенной адаптации людей к новым условиям универсальные механизмы социального воспроизводства постепенно должны «взять свое» и способствовать кристаллизации социальных барьеров. Немаловажную роль в закреплении этих барьеров, по нашему мнению, также могло сыграть значительное усиление социально-экономической дифференциации в обществе в целом и характерная для постсоветской России тенденция к маркетизации социальной сферы [Cook 2007].

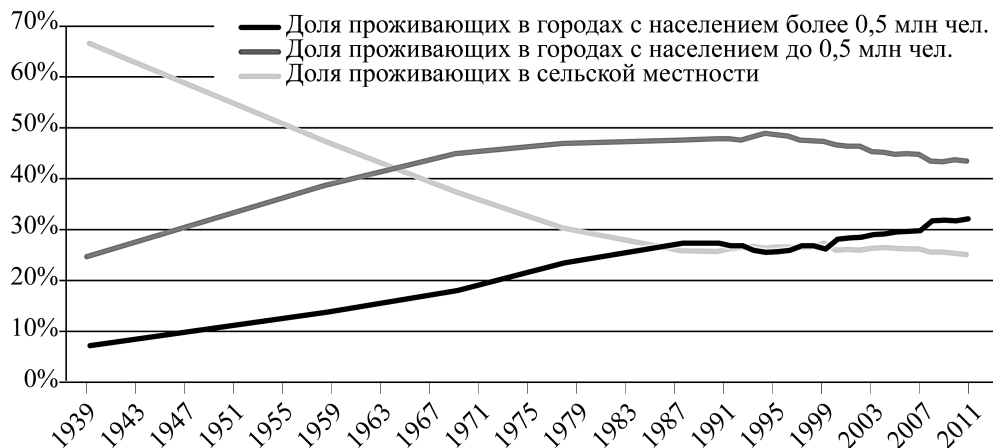

Рисунок 1. Динамика структуры населения России по месту проживания с 1939 по 2013 гг.

Источник: Российские статистические ежегодники (Росстат) за разные годы.

Примечание: сегменты графика за следующие периоды – 1940–1958, 1960–1969, 1971–1978, 1980–1988 и 1990–1991 гг. – являются линейными проекциями (из-за отсутствия информации за соответствующие годы в статистических ежегодниках).

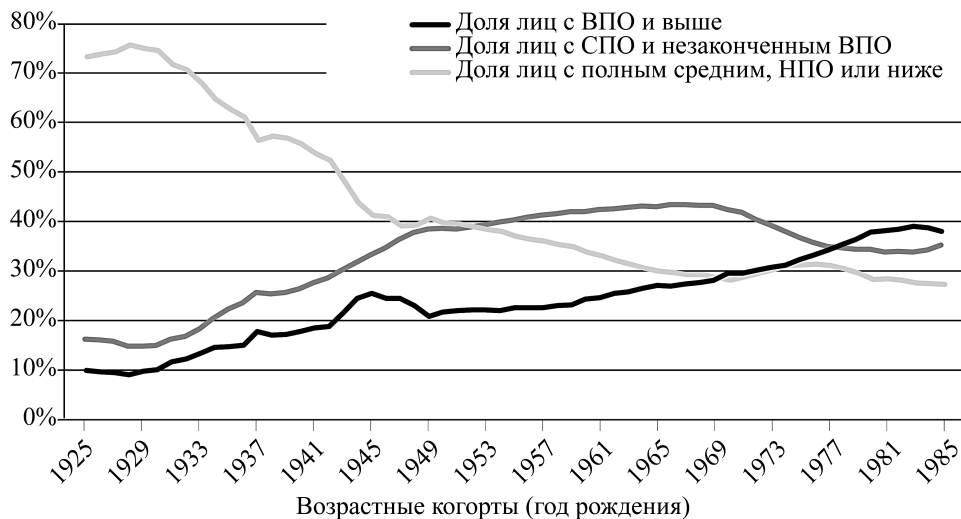

Рисунок 2. Структура населения России по уровню образования в разрезе возрастных когорт (с 1925-го по 1985-й год рождения)

Источник: авторские расчеты по микроданным Всероссийской переписи населения 2010 г.

Методологические аспекты исследования

Данные

Эмпирическим материалом, лежащим в основе данного исследования, являются данные четырех представительных опросов, проводившихся по схожей программе с целью изучения процессов социальной стратификации в постсоветской России по руководством профессора О.И. Шкаратана. Репрезентируемой генеральной совокупностью во всех случаях являлось взрослое население России в возрасте от 18 лет. Первый сбор данных состоялся в январе–феврале 1994 г. и проводился на федеральной сети респондентов, организованной Институтом социологии РАН при поддержке российского правительства (подробнее см.: [Шкаратан, Тихонова 1996, с. 101–103]). Все остальные опросы проводились на основе федеральной сети Центра социального прогнозирования и маркетинга в ноябре–декабре 2002, 2006 и 2013³ гг. (напр.: [Шкаратан 2003, с. 54–60; Шкаратан, Ястребов 2007, с. 14–23]) и были финансово поддержаны Российским гуманитарным научным фондом⁴. Окончательные объемы выборок составили 2009, 2414, 2491 и 2199 респондентов соответственно.

Однако существенным ограничением следует признать то, что во всех четырех случаях опросы проводились по квотной, а не строго случайной выборке. Этот выбор был продиктован исключительно финансовыми соображениями, поскольку организация случайной выборки является существенно более дорогим мероприятием, чем квотная, и выбор в ее пользу был бы сопряжен с альтернативой, предполагавшей значительное обеднение опросного листа. Основная проблема с квотной выборкой состоит в том, что стандартные процедуры для расчета статистической ошибки к ней неприменимы, и, следовательно, любые статистики, получаемые на ее основе, являются весьма условными. И хотя в целом по ряду контрольных, т.е. неквотных признаков смещение статистик, как правило, колебалось в пределах 3–4% от истинных значений по генеральной совокупности (сверка проводилась и в цитируемых выше работах), мы все же принимаем их условность как вынужденную и будем иметь в виду данное ограничение, представляя результаты анализа.

Сравнительный дизайн и операционализация переменных

Вне зависимости от типа используемой выборки (случайной или квотной) одной из наиболее часто возникающих проблем при анализе социальной мобильности на выборочных данных является снижение их статистического потенциала, которое

³ В планировании и организации проведения последних двух опросов автор данной статьи принимал непосредственное участие.

⁴ Гранты РГНФ №№ 02-03-18118е, 06-03-18010е и 13-03-18021е соответственно.

резко усиливается при увеличении числа переменных, задействованных в анализе. Напомним, что в процессе аналитической декомпозиции выборки по большому количеству признаков увеличивается вероятность допущения ошибки 1-го рода, т.е. ошибочного приписывания генеральной совокупности наблюдаемых свойств выборки, которые на самом деле могут не соответствовать действительности. Особенно чувствительны к этому ограничению выборки с небольшим количеством статистических наблюдений, а также аналитические процедуры, оперирующие значительным количеством номинальных признаков (многократно увеличивающих количество степеней свободы при кросс-табуляции)⁵. Приведу простой пример. Допустим, имеется таблица сопряженности, характеризующая связь между социально-профессиональным статусом родителей и сыновей и состоящая из 8 позиций по столбцам и строкам, т.е. в общей сложности 64 ячеек, описывающих все возможные сочетания статусов между двумя поколениями. Таблица сопряженности увеличится вдвое (128 ячеек), если мы добавим к этому разделению на мужчин и женщин, и еще четверо (512 ячеек), если мы дополнительно захотим провести сравнение между четырьмя возрастными когортами. Это означает, что при 2500 наблюдений в выборке на одну ячейку такой таблицы в среднем приходится приблизительно 5 наблюдений, и, следовательно, какой-либо вразумительный ее анализ едва ли возможен. У исследователя есть два возможных способа усилить статистический потенциал своего анализа в этом случае: 1) увеличить размер выборки или 2) намеренно снизить размерность таблицы сопряженности, отказавшись от рассмотрения некоторых переменных или снизив количество значений, которые они могут принимать. Поскольку рассмотренная проблема актуальна и для данного исследования, мы также «оптимизируем» свою методологию, руководствуясь указанными соображениями.

Прежде всего, это касается операционализации используемого в работе понятия социальной мобильности. Как уже было сказано ранее, под социальной мобильностью в данном исследовании мы понимаем социальные перемещения, связанные со сменой профессионального статуса, образовательного статуса и места жительства (территориальная мобильность). Для фиксации перемещений в разрезе территориальной мобильности мы рассматриваем номенклатуру из трех возможных значений статуса *по месту проживания* (вместо пяти, предусмотренных исходной анкетой опросов⁶): 1) сельская местность (деревни и села), 2) города (за исключением областных центров), 3) областные центры (включая Москву и Санкт-Петербург). Номенклатура статусов *по уровню образования* также состоит из трех значений: 1) среднее образование или начальное профессиональное и ниже⁷; 2) среднее профессиональное или незаконченное высшее; 3) высшее профессиональное и послевузовское. Отметим, что для респондентов, являвшихся

⁵ В частности, именно по этой причине некоторые оценки социальной мобильности, приводившиеся как нашими коллегами [Козырева 2013], так и нами самими в более ранних публикациях [Ястребов 2009; Шкартан, Ястребов 2011], строго говоря, нельзя рассматривать как достоверные и точные.

⁶ 1) Село, деревня; 2) поселок городского типа; 3) город, не являющийся областным центром; 4) областной центр (региональная столица); 5) Москва или Санкт-Петербург.

⁷ Данная группировка является вынужденной, поскольку в опросах за разные годы использовалась несколько различная номенклатура возможных ответов для нижних ступеней системы образования.

студентами на момент опроса, уровень образования устанавливался в соответствии с типом учебного заведения, в котором они обучались (т.е. прошли отбор и были приняты на программу обучения). Для операционализации *социально-профессиональных статусов* мы используем несколько упрощенную классификацию социально-профессиональных групп, применявшуюся нами ранее и неоднократно уточнявшуюся в серии предыдущих публикаций [Шкаратан, Ястребов 2007; Ястребов 2009; Шкаратан, Ястребов 2011]. Номенклатура позиций приводится в *таблице 1*. Подробное обсуждение теоретико-методологических предпосылок и нюансов, стоящих за данной классификацией, мы не проводим здесь по соображениям экономии места (при желании с ними можно ознакомиться в перечисленных выше работах), однако ее сходство с доминирующими схемами социально-профессиональной и социально-классовой структуры, используемыми как отечественными (напр.: [Аникин, Тихонова 2008; Козырева 2013]), так и зарубежными учеными (напр.: [Gerber, Hout 2004 – на российском материале; Breen 2004 – в масштабных сравнительных исследованиях]) для просвещенного читателя должно быть очевидным.

Таблица 1. **Классификация социально-профессиональных групп для анализа социальной мобильности**

№	Социально-профессиональная группа
1.	Самозанятые, предприниматели и рантье ¹
2.	Чиновники, специалисты и управляющие высшего уровня
3.	Чиновники, специалисты и управляющие среднего уровня
4.	Чиновники, специалисты и управляющие нижнего уровня
5.	Полупрофессионалы
6.	Технические работники в сфере обслуживания
7.	Квалифицированные рабочие
8.	Не- и полуквалифицированные рабочие

Примечание: ¹ – разумеется, в годы советской власти никаких предпринимателей и рантье не существовало, поэтому в соответствующие периоды в наших выборках данная группа представлена в лучшем случае людьми, занятыми «индивидуальной трудовой деятельностью».

Исходной точкой социального маршрута во всех случаях признается детство респондента, а точнее, статусные характеристики его родительской семьи в этот период. В случае с территориальной мобильностью таковыми является место про-

живания в детстве (время, когда респондент ходил в школу); для мобильности по образованию – это максимальный достигнутый уровень образования родителей; для социально-профессиональной – статус отца для респондентов мужского пола и статус матери для респондентов женского пола. Последнее разграничение вводится в связи с тем, что многие типы карьер и социально-профессиональной мобильности имеют гендерную специфику и, следовательно, могут более активно наследоваться по линии «отец–сын» или «мать–дочь» [Payne, Abbott 2005]. В тех случаях, когда информация по социально-профессиональному статусу по одному из родителей отсутствовала или когда указанный статус был малоинформативен с точки зрения идентификации исходного положения в социальной структуре (например, в случае с безработными или пенсионерами), статус одного родителя заменялся на статус другого родителя⁸.

Наконец, как уже было сказано, целью данного исследования является сравнение процессов социальной мобильности между различными историческими периодами. Для осуществления такого сравнения мы задействуем два альтернативных дизайна, позволяющие по максимуму задействовать потенциал имеющихся в нашем распоряжении данных.

Первый, так называемый *опросный дизайн* является наиболее простым и очевидным: мы рассматриваем выборку каждого опроса по ее «прямому назначению», т.е. как самостоятельный срез российского общества, актуальный на соответствующий год опроса (1994, 2002, 2006 или 2013). В рамках данного дизайна статусные характеристики респондентов фиксируются на текущий момент, т.е. под социальной мобильностью имеется в виду та «дистанция», которую респондент сумел преодолеть с момента своего детства до момента проведения соответствующего опроса. Единственное дополнительное ограничение на выборки, которое мы вводим в связи с таким дизайном, состоит во введении верхнего возрастного ценза – 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин, и для этого есть две причины. Во-первых, сравниваемые совокупности необходимо стандартизировать по возрасту, поскольку в нашем анализе мы не контролируем этот признак какими-либо специальными методами (описание предпочитаемого метода см. ниже), а пропорция пожилого населения в каждой следующей после 1994 г. выборке естественным образом увеличивалась вслед за ростом ожидаемой продолжительности жизни в стране [Вишневский 2012]. Во-вторых, это ограничение связано с институционально закрепленным в России возрастом выхода на пенсию, что позволяет сосредоточиться на преимущественно экономически активной части населения (и является особенно актуальным в связи с анализом социально-профессиональной мобильности). Отметим, что именно этот тип дизайна использовался нашими предшественниками [Gerber, Hout 2004].

Второй, так называемый *когортный дизайн* позволяет произвести оценку процессов социальной мобильности в ретроспективе, однако предполагает ряд дополнительных операций с данными. Его основная идея состоит в том, чтобы

⁸ С учетом большого количества подобных малоинформативных значений в исходных выборках (порядка 25% по отцам и 15% по матерям) данный ход представляется вполне оправданным. Благодаря этому уровень информативности наблюдений удалось «довести» до 90%.

вычленив из четырех опросов отдельные когорты, репрезентирующие определенные исторические поколения. При этом для представителей всех когорт мы реконструируем только фиксированный отрезок жизненного пути, проводя замер статусных характеристик респондентов в момент, когда им исполнилось 30 лет. Преимущество данного подхода над предыдущим должно быть очевидным, поскольку фиксированный отрезок жизненного пути проще соотносить с конкретным историческим периодом, в то время как при опросном дизайне выборки представляют собой совокупность различных когорт, в действительности несущих на себе отпечаток различных исторических периодов. Учитывая кросс-секционный характер обследований (каждый респондент представлен в каждом из опросов только один раз) и единые принципы построения исходных выборок (репрезентация по идентичным параметрам), мы сначала объединили данные четырех опросов, «довзвесив» наблюдения таким образом, чтобы они максимально точно воспроизводили пропорции различных возрастных когорт по таким ключевым параметрам, как пол, возраст и уровень образования⁹. По понятным причинам, группа респондентов младше 30 лет была отсечена. После этого из объединенных данных были выделены представляющие интерес возрастные когорты. При этом мы старались соблюсти разумный баланс между долей представленности соответствующей когорты в выборке (чтобы она составляла не менее 20%), ее протяженностью и соответствием определенной исторической эпохе. Итоги этой оптимизации представлены в *таблице 2*.

Таблица 2. Когорты – исторические поколения

Группа когорт (по году рождения)	Ориентировочный исторический период (годы 30-летия)	Ср. год рождения по группе	Доля группы в объединенной выборке	N
1951 г.р. и старше ¹	до 1980-х гг.	1942.6	24.0%	1,656
1952–1959 г.р.	1980-е гг.	1955.3	28.4%	1,958
1960–1966 г.р.	1-я половина 1990-х	1962.7	22.4%	1,545
1967 г.р. и младше ²	конец 1990-х и начало 2000-х	1972.9	25.0%	1,744

Примечание: ¹ – мин. значение: 1926 г.р.;

² – макс. значение: 1983 г.р.

⁹ Соответствующие пропорции по генеральной совокупности для расчета весов были получены на основе усреднения пропорций, полученных из микроданных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

Первая группа когорт – родившиеся до 1951 г. и раньше – является самой эклектичной в представленном перечне, поскольку объединяет в себе и поколение «шестидесятников», и поколения, прошедшие войну, и поколения тех, кто родился в первые годы послевоенного восстановления. Однако обеспечить гомогенность данной группы при соблюдении указанных выше требований было крайне сложно, учитывая, что она в любом случае охватывает наиболее разреженную (по естественным причинам) часть возрастного распределения объединенной выборки.

Вторая группа – родившиеся между 1952 и 1959 гг. – представлена теми, чья молодость и взросление пришлось преимущественно на период «брежневского застоя» и, частично, годы «перестройки». Это условный «слепок» позднесоветского периода, накануне распада страны и радикальных социально-экономических трансформаций в 1990-е гг.

Третья группа – родившиеся между 1960 и 1966 гг. – условное «переломное» поколение. Это те, кто заканчивал свое образование и выходил на рынок труда преимущественно в 1980-е гг., но чье 30-летие пришлось на «турбулентные» 1990-е гг., т.е. момент, когда социальная структура российского общества претерпевала серьезные изменения.

Наконец, четвертая группа – родившиеся после 1967 г. – это те, чье 30-летие пришлось на конец 1990-х – начало 2000-х гг., т.е. годы относительной стабилизации социальной структуры после рыночных реформ.

Однако данный подход также не лишен определенных недостатков, среди которых особенно важно обратить внимание на следующий: дело в том, что пропорция городского населения, более образованных людей, а также людей с более высоким социально-профессиональным статусом в выделяемых нами когортах может быть несколько завышена по сравнению с истинными поколениями. Это связано с тем, что риск смертности для данных групп, особенно в старших возрастах, существенно ниже, чем в менее привилегированных группах (см. напр.: [Bessudnov, McKee, Stuckler 2012]), и, следовательно, по естественными причинам они могут быть в наших выборках сверхрепрезентированы.

План анализа

Анализ построен следующим образом. В первой части статьи, публикуемой в данном номере, мы представим оценки изменений в абсолютной социальной мобильности среди мужчин и женщин в каждом из трех рассматриваемых разрезов: территориальном, образовательном и социально-профессиональном.

Оценки относительной социальной мобильности будут представлены во второй части статьи¹⁰, которая будет открыта описанием формальной логики логлинейного анализа как метода, позволяющего рассмотреть менее очевидные, качественные изменения (или их отсутствие) в инерции социального происхождения за «шумом» изменений, обусловленных преимущественно структурными сдвигами.

¹⁰ Вторая часть данной статьи будет опубликована в № 2, 2016 г.

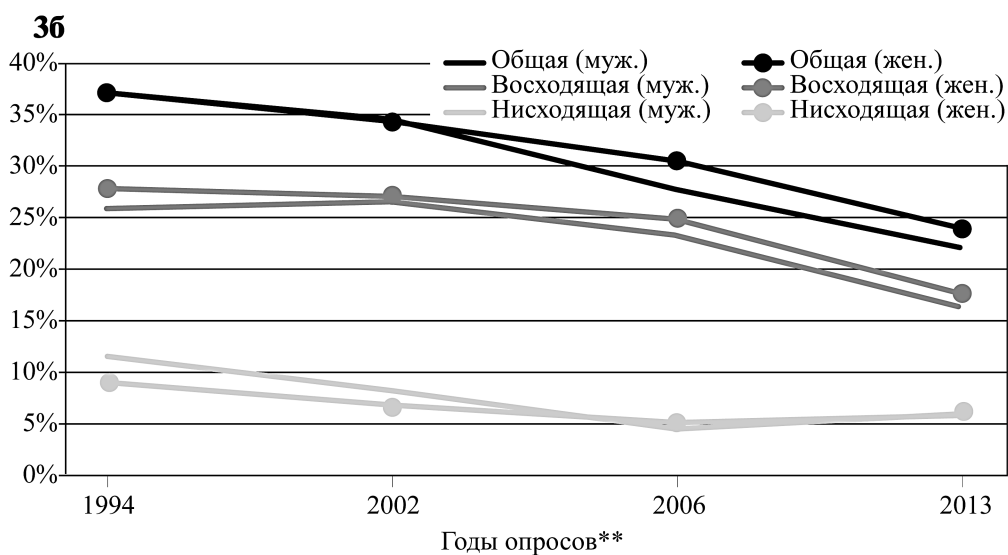
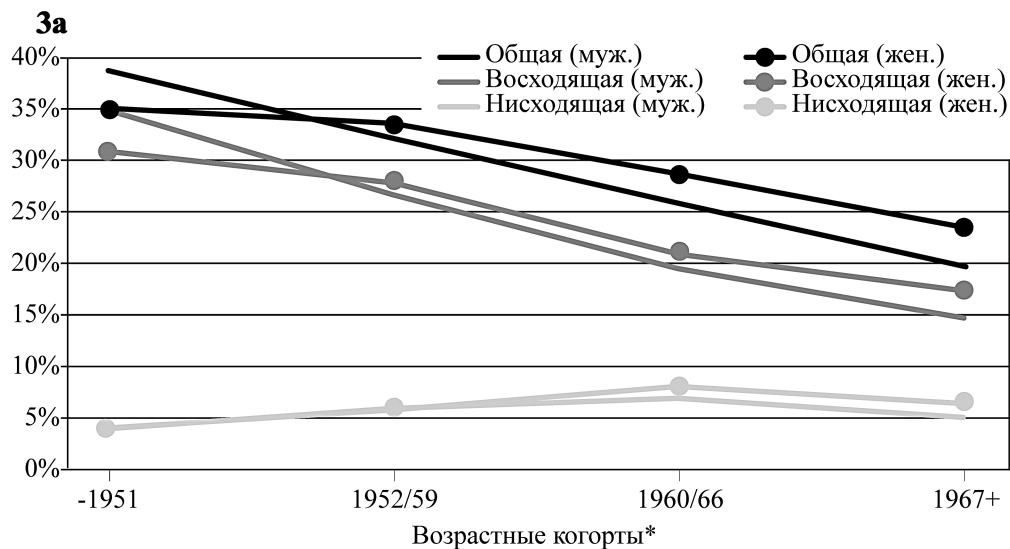
Изменения в абсолютной социальной мобильности

Динамика абсолютной мобильности российского населения по типу поселения в месте проживания представлена на *рисунках 3а* и *3б*. Под восходящей мобильностью в данном случае понимается перемещение из сельских поселений в городские либо перемещение из обычных городских поселений в более крупные, т.е. областные центры или мегаполисы; под нисходящей мобильностью имеются в виду перемещения в обратном направлении. Соответственно, общая мобильность представляет собой сумму всех перемещений. Наличие определенной иерархии среди выделяемых нами трех типов поселения можно объяснить очевидными различиями в уровне развития социально-экономической инфраструктуры и локальных рынков труда, а также уровне жизни в целом.

Как видно из представленных графиков, восходящая территориальная мобильность является более частым явлением, чем нисходящая, однако мобильность в целом снижается от поколения к поколению. Это полностью согласуется с иллюстрацией на *рисунке 1*, на котором представлена динамика процессов урбанизации в России и согласно которому доля городского населения в каждом следующем поколении естественным образом была больше, чем в предыдущем. Замедление мобильности также свидетельствует о приближении к естественному пределу миграции, связанному со стабилизацией структуры российского населения по типу поселения приблизительно уже к концу 1980-х гг. При этом существенных различий в характере территориальной мобильности между мужчинами и женщинами не наблюдается.

Аналогичным образом восходящая и нисходящая мобильности по образованию (*рисунки 4а, 4б*) определяются как достижение уровня образования более высокого или более низкого, чем максимальный достигнутый уровень образования родителей. Отметим, однако, что в связи с используемой операционализацией родительского статуса (как максимального) представленные оценки восходящей мобильности могут быть несколько завышенными, а нисходящей – заниженными.

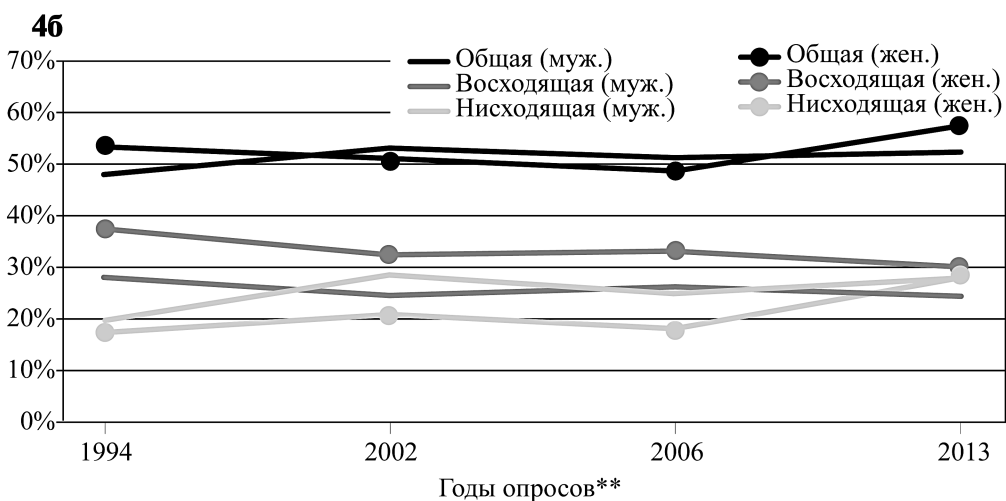
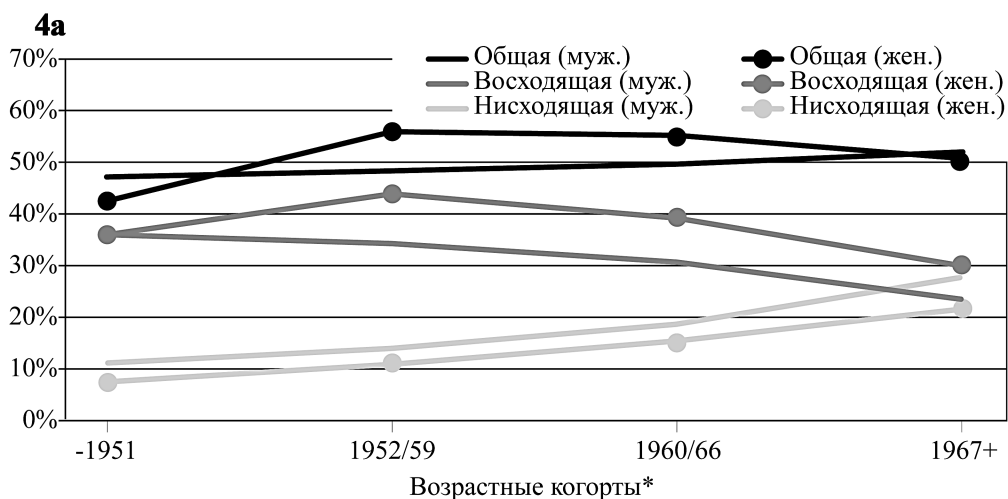
Сначала рассмотрим динамику в разрезе возрастных когорт. Как видно, тенденции немногим отличаются от тех, что проиллюстрированы на *рисунках 3а, 3б*: вероятность восходящей мобильности по образованию постепенно снижалась, что можно также объяснить соотношением между более быстрыми темпами, с которыми увеличивалась доля высокообразованных групп в поколениях родителей, и более медленными темпами, с которыми доля этих групп увеличивалась в поколениях детей (*рисунок 2*). С другой стороны, несколько противоречащим интуиции является тот факт, что на фоне вышеназванных тенденций увеличивалась нисходящая социальная мобильность, т.е. вероятность понизить образовательный статус по отношению к родителям. В принципе, это можно рассматривать как косвенное свидетельство усиления относительной мобильности по образованию, поскольку данная тенденция шла вразрез с общими структурными изменениями, предполагавшими, при прочих равных условиях, увеличение (а не снижение) частоты восходящих перемещений. Однако более формальная проверка этого предположения будет проведена ниже.

Рисунки 3а, 3б. Динамика абсолютной мобильности российского населения по типу поселения в месте проживания (территориальная мобильность)

Источник: авторские расчеты по данным представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг.

Примечание: * – выборки респондентов в возрасте от 30 лет; ** – выборки респондентов в возрасте от 18 до 60 лет для мужчин и в возрасте от 18 до 55 лет для женщин. По вертикальной оси – доля мобильного населения, рассчитанная от общего числа валидных наблюдений.

Рисунки 4а, 4б. Динамика абсолютной мобильности
российского населения по образованию

Источник: см. рисунок 3.

Примечание: см. рисунок 3.

Отметим также, что вероятность восходящих перемещений по образованию среди женщин, начиная с поколений, родившихся в 1950-е гг., стала превышать мужскую. Впрочем, и это не более чем отражение того факта, что доля женщин

с высшим и средним специальным образованием в России в принципе преваляла над мужской начиная с 1960-х гг. [Народное хозяйство СССР 1987, с. 419].

Экспликация тенденций с помощью опросного дизайна в целом подтверждает преимущество женщин над мужчинами в отношении перспектив образовательной мобильности, а также усиление и стабилизацию нисходящей мобильности (для мужчин из выборки опроса 2002 г. и для женщин из выборки опроса 2013 г.). Однако, в целом, можно заметить, что картина изменений является менее отчетливой, что можно объяснить а) сравнительно меньшим промежутком времени между опросами (по сравнению с интервалом анализируемых когорт) и б) уже упомянутыми в методологической части проблемами с использованием опросного дизайна (в частности, гетерогенность выборок по составу когорт, несущих на себе след разных исторических периодов).

Наконец, рассмотрим социально-профессиональную мобильность. Для удобства восприятия все множество межпоколенных перемещений между социально-профессиональными группами, перечисленными в *таблице 1*, мы свели в три типа мобильности: восходящую, нисходящую и условно горизонтальную.

Коротко поясним принципы этой классификации, хотя заранее оговоримся, что в данном случае мы не претендуем на ее исключительную истинность и точность, поскольку ее основная цель состоит в экспликации наиболее существенных трендов социальной мобильности. Для справки читатель может обратиться к *таблице 3*, в которой схематизирована основная логика. Случаи, при которых дети полностью воспроизводят социально-профессиональный статус родителей, мы однозначно классифицируем как немобильность. Ситуациям однозначного повышения социально-профессионального статуса соответствует переход в группу с более высокими требованиями к квалификации, более высоким уровнем ответственности и рангом в иерархии управления и/или автономии труда при условии, что изменение по какому-либо из перечисленных измерений не компенсируется существенным изменением по другому. В терминологии различных типов капитала [Радаев 2002; Bourdieu 1983; Grusky 2001] – например, экономического, человеческого, культурного, административного и прочее – это соответствует условному повышению совокупного объема капиталов (в случае с используемой классификацией, разумеется, имеется в виду лишь предположительный объем, однако с конкретными измерениями можно ознакомиться здесь: [Шкаратан и коллектив 2009, гл. 6]). И симметрично: понижение статуса связано с переходами в обратном направлении, т.е. снижением совокупного объема капиталов.

Наконец, под горизонтальной мобильностью имеются в виду переходы, при которых социально-профессиональный статус детей меняется по отношению к родителям, однако невозможно однозначно установить, сопряжены ли эти переходы с существенным сокращением объема капиталов. Например, переход в группу предпринимателей и самозанятых по отношению к родителям, являющимся работниками умственного труда или руководителями различного уровня, с одной стороны, сопряжен (хоть и необязательно) с некоторым снижением в объеме человеческого и административного капиталов, однако можно предположить, что это компенсируется более высокой автономией труда.

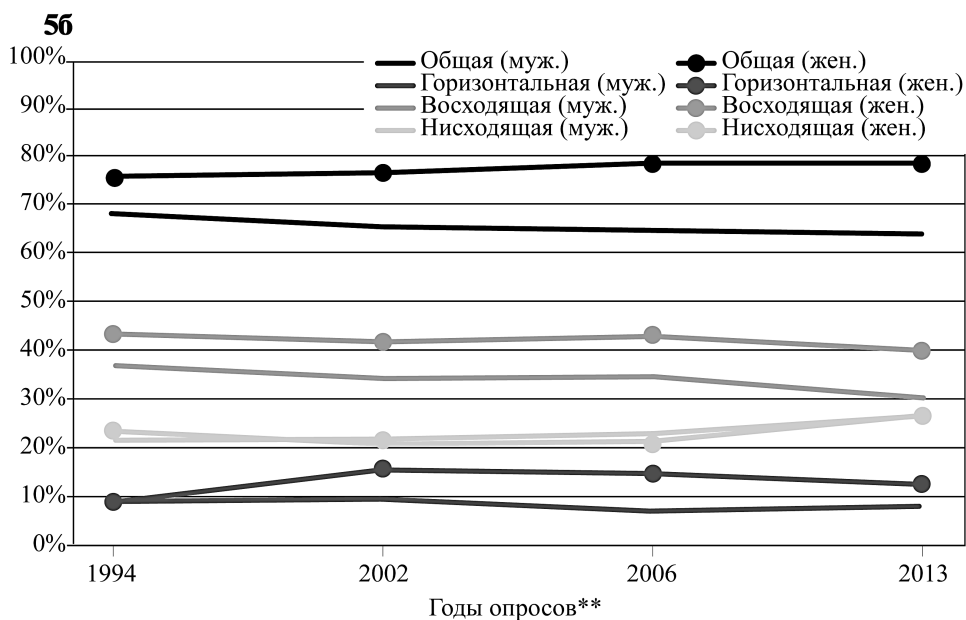
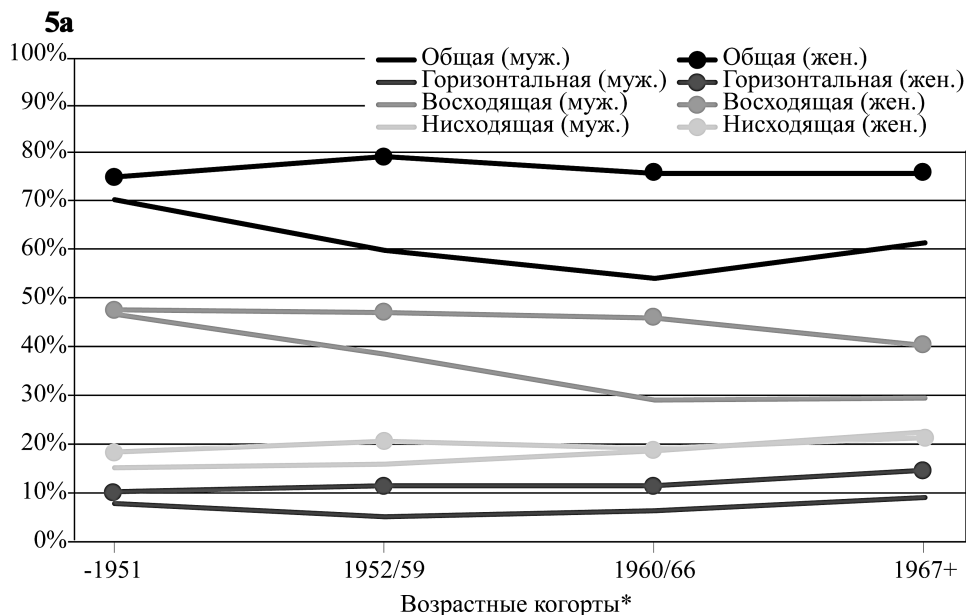
Таблица 3. Классификация межпоколенных социально-профессиональных перемещений

Социально-профессиональный статус в первом поколении (родители)	Социально-профессиональный статус во втором поколении (дети)							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Самозанятые, предприниматели и рантье	НМ	ГМ	ГМ	ГМ	–	–	–	–
2. Чиновники, специалисты и управляющие высшего уровня	ГМ	НМ	–	–	–	–	–	–
3. Чиновники, специалисты и управляющие среднего уровня	ГМ	+	НМ	–	–	–	–	–
4. Чиновники, специалисты и управляющие нижнего уровня	ГМ	+	+	НМ	ГМ	–	–	–
5. Полупрофессионалы	+	+	+	ГМ	НМ	–	–	–
6. Технические работники в сфере обслуживания	+	+	+	+	+	НМ	ГМ	–
7. Квалифицированные рабочие	+	+	+	+	+	ГМ	НМ	–
8. Не- и полуквалифицированные рабочие	+	+	+	+	+	+	+	НМ

Обозначения: НМ – отсутствие мобильности; ГМ – горизонтальная мобильность; «+» – восходящая вертикальная мобильность; «–» – нисходящая вертикальная мобильность.

Динамика различных типов мобильности представлена на рисунках 5а и 5б. Как видно, смена социально-профессионального статуса от родителей к детям имеет место в подавляющем числе случаев, причем этот результат фиксируется вне зависимости от типа используемого дизайна, т.е. момента времени, в который производится оценка статусных характеристик детей (30 лет или момент опроса), и рассматриваемого периода. Даже горизонтальная мобильность, не предполагающая существенного изменения социально-профессионального статуса между поколениями, не является столь уж частым явлением. Таким образом, в отношении межпоколенной динамики социально-профессиональных статусов российское общество было и остается довольно мобильным, что подтверждается в том числе исследованиями, выполненными на альтернативных данных [Козырева 2013].

Что касается общей направленности этой мобильности и ее повременной динамики, то безусловно обращает на себя внимание довольно значительное снижение мобильности среди мужчин, особенно среди когорт 1960–1966 гг. рождения, которое было связано преимущественно со снижением доли восходящих перемещений, при некотором увеличении доли нисходящих. Отметим, что речь идет

Рисунки 5а, 5б. Динамика абсолютной мобильности российского населения по социально-профессиональному статусу

Источник: см. рисунок 3.

Примечание: см. рисунок 3.

о когортах, чье 30-летие пришлось на первые годы рыночных реформ и последовавшего за ними радикального реформирования рынка труда. Значительная часть высокостатусных социально-профессиональных позиций была сокращена в силу неблагоприятных структурных изменений в экономике, что и повлекло за собой снижение возможностей для восходящей мобильности и увеличение риска нисходящей. Косвенно об этих изменениях свидетельствуют данные о распределении социально-профессиональных статусов между представителями различных когорт в 30-летнем возрасте (таблица 4). Как видно, перспективы мобильности ухудшались преимущественно за счет сокращения востребованности квалифицированного умственного труда (в особенности позиция 3) при одновременном увеличении удельной доли позиций нефизического труда, не предъявляющих высоких требований к квалификации. С другой стороны, нельзя не признать, что эти неблагоприятные трансформации в социально-профессиональной структуре отчасти компенсировались снижением доли неквалифицированного физического труда и расширением прослойки самозанятых и предпринимателей.

Таблица 4. Социально-профессиональный статус к 30 годам (в разрезе когорт)

Социально-профессиональные группы	Когорты			
	–1951	1952/59	1960/66	1967+
1. Самозанятые, предприниматели и рантье ¹	6.3	7.2	11.3	10.9
2. Чиновники, специалисты и управляющие высшего уровня	4.8	3.4	3.0	3.6
3. Чиновники, специалисты и управляющие среднего уровня	19.7	16.4	13.8	13.4
4. Чиновники, специалисты и управляющие нижнего уровня	7.3	7.4	8.3	7.3
5. Полупрофессионалы	12.2	15.7	14.3	17.9
6. Технические работники в сфере обслуживания	4.7	7.0	7.0	8.6
7. Квалифицированные рабочие	26.6	28.6	30.3	28.1
8. Не- и полуквалифицированные рабочие	18.3	14.2	12.2	10.3

Примечание: ¹ – разумеется, в годы советской власти никаких предпринимателей и рантье не существовало, поэтому в соответствующие периоды в наших выборках данная группа представлена в лучшем случае людьми, занятыми «индивидуальной трудовой деятельностью».

Отмеченный выше факт согласуется с результатами других исследований [Gerber, Hout 2004], однако заметим, что наши данные не подтверждают присутствия аналогичной тенденции в отношении женщин – едва заметное ухудшение перспектив социально-профессиональной мобильности обнаруживается лишь в отношении самых младших когорт. Как и в случае с образовательной мобильностью, женщины в принципе чаще повышают свой социально-профессиональный статус по отношению к матерям, о чем свидетельствует динамика как в разрезе когорт, так и в разрезе опросов. Впрочем, данные обстоятельства можно считать связанными: наличие более высокого образования обеспечивает доступ к наиболее привлекательным социально-профессиональным позициям.

В целом же абсолютная социальная мобильность в российском обществе, как мы увидели, поддерживалась на довольно высоком уровне как в советский, так и постсоветский периоды. Причем значительную часть межпоколенных перемещений можно объяснить смещениями в структуре соответствующих статусных характеристик между двумя поколениями. Вопрос, однако, состоит в том, в какой степени эти перемещения были обусловлены не структурными сдвигами, а инерцией социального происхождения, и, в частности, как изменялась роль происхождения на протяжении рассмотренного исторического периода. Но с ответами на эти вопросы читатель сможет ознакомиться во второй части статьи.

Литература

- Авраамова Е.М. (1999) Социальная мобильность в условиях российского кризиса // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 5–12.
- Аникин В.А., Тихонова Н.Е. (2008) Социально-профессиональный статус как фактор социального неравенства // Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (ред.) *Социальные неравенства и социальная политика в современной России*. М.: Наука. С. 96–111.
- Борисов В.А. (1994) Социальная мобильность в советской России // *Социологические исследования*. № 4. С. 114–118.
- Вишневский А.Г. (2012) Россия: демографические итоги двух десятилетий // *Мир России*. Т. 21. № 3. С. 3–40.
- Голенкова З.Т. (ред.) (1999) *Социальное расслоение и социальная мобильность*. М.: Наука.
- Громова Р.Г. (1998) Социальная мобильность в России: 1985–1993 годы // *Социологический журнал*. № 1/2. С. 15–39.
- Клячко Т. (2009) Российское образование в поисках ответа на новые вызовы // *Демоскоп Weekly*. № 375–376 // http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0375/s_map.php#1
- Козырева П.М. (2013) Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России // *Социологическая наука и социальная практика*. № 1. С. 60–73.
- Лукина В.И., Нехорошков С.Б. (1982) *Динамика социальной структуры населения СССР: методология и методика исследования*. М.: Финансы и статистика.
- Мкртчян Н.В. (2013) Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века // *Известия РАН. Серия географическая*. № 6. С. 19–32.
- Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный статистический ежегодник (1987). М.: Финансы и статистика.
- Радаев В.В. (2002) Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Экономическая социология*. Т. 3. № 4. С. 20–32.
- Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. (1970) *Социальные перемещения*. М.: Мысль.

- Тарасенко В.И., Черноволенко В.Ф. (ред.) (1988) Межгенерационная трудовая мобильность. Киев: Наукова Думка.
- Филиппов Ф.Р. (1989) От поколения к поколению: социальная подвижность. М.: Мысль.
- Черныш М.Ф. (1994) Социальная мобильность в 1986–1993 годах // Социологический журнал. № 2. С. 130–133.
- Черныш М.Ф. (2005) Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М.: Гардарики.
- Шкаратан О.И. (2003) Социальные реалии России начала 2000-х гг. Предварительные итоги представительного опроса россиян // Мир России. Т. 12. № 2. С. 46–80.
- Шкаратан О.И. и коллектив (2009) Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп.
- Шкаратан О.И., Тихонова Н.Е. (1996) Занятость в России: социальное расслоение на рынке труда // Мир России. Т. 5. № 1. С. 94–153.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. (2007) Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // Мир России. Т. 16. № 3. С. 3–49.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. (2011) Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России // Общественные науки и современность. № 2. С. 5–28.
- Яковлев А.А. (2012) Коммунистические убеждения и их влияние на развитие экономики и общества: применение новых подходов Д. Норта к анализу исторического опыта СССР // Мир России. Т. 21. № 4. С. 154–167.
- Ястребов Г.А. (2009) Воспроизводство социально-профессиональных групп в современной России // Мир России. Т. 18. № 2. С. 116–140.
- Allison P.D. (1999) Comparing Logit and Probit Coefficients Across Groups // Sociological Methods & Research, vol. 28, no 2, pp. 186–208.
- Bessudnov A., McKee M., Stuckler D. (2012) Inequalities in Male Mortality by Occupational Class, Perceived Status and Education in Russia, 1994–2006 // European Journal of Public Health, vol. 22, no 3, pp. 332–337.
- Bourdieu P. (1983) Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education ((ed. Richardson J.G.). Greenwood Press, pp. 241–258.
- Bourdieu P., Passeron J.-C. (1990) Reproduction in Education, Society and Culture. Sage.
- Breen R. (ed.) (2004) Social Mobility in Europe. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Breen R., Holm A., Karlson K.B. (2014) Correlations and Nonlinear Probability Models // Sociological Methods & Research, vol. 43, no 4, pp. 571–605.
- Breen R., Jonsson J.O. (2005) Inequality of Opportunity in Comparative Perspective: Recent Research on Educational Attainment and Social Mobility // Annual Review of Sociology, vol. 31, no 1, pp. 223–243.
- Bukodi E., Goldthorpe J.H. (2010) Market versus Meritocracy: Hungary as a Critical Case // European Sociological Review, vol. 26, no 6, pp. 655–674.
- Cook L.J. (2007) Postcommunist Welfare States: Reform Politics in Russia and Eastern Europe. Ithaca: Cornell University Press.
- Erikson R., Goldthorpe J.H. (1992) The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies. Oxford University Press, USA.
- Featherman D.L., Jones L., Hauser R.M. (1975) Assumptions of Social Mobility Research in the U.S.: The Case of Occupational Status // Social Science Research, vol. 4, no 4, pp. 329–360.
- Gerber T.P., Hout M. (1995) Educational Stratification in Russia During the Soviet Period // American Journal of Sociology, vol. 101, no 3, pp. 611–660.
- Gerber T.P., Hout M. (2004) Tightening up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition // American Sociological Review, vol. 69, no 5, pp. 677–703.
- Grusky D.B. (2001) The Past, Present, and Future of Social Inequality // Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective (ed. Grusky D.B.), 2nd ed. Boulder, CO: Westview Press, pp. 3–51.
- Grusky D.B., Hauser R.M. (1984) Comparative Social Mobility Revisited: Models of Convergence and Divergence in 16 Countries // American Sociological Review, vol. 49, no 1, pp. 19–38.

- Marshall G., Sydorenko S., Roberts S. (1995) Intergenerational Social Mobility in Communist Russia // *Work, Employment & Society*, vol. 9, no 1, pp. 1–27.
- Matthews M. (1989) Patterns of Deprivation in the Soviet Union Under Brezhnev and Gorbachev. Hoover Press.
- Mood C. (2010) Logistic Regression: Why We Cannot Do What We Think We Can Do, and What We Can Do About It // *European Sociological Review*, vol. 26, no 1. C. 67–82.
- Payne G., Abbott P. (2005) *The Social Mobility Of Women: Beyond Male Mobility Models*. Routledge.
- Raftery A.E., Hout M. (1993) Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921–75 // *Sociology of Education*, vol. 66, no 1, pp. 41–62.
- Róbert P., Bukodi E. (2004) Changes in Intergenerational Class Mobility in Hungary, 1973–2000 // *Social Mobility in Europe*. Oxford University Press (ed. Breen R.), pp. 287–314.
- Roshchina Y. (2012) Intergeneration Educational Mobility in Russia and the USSR // *Proceedings of the Asian Conference on Education 2012 Conference*. Osaka: The International Academic Forum, pp. 1406–1426.
- Saar E. (2010) Changes in Intergenerational Mobility and Educational Inequality in Estonia: Comparative Analysis of Cohorts Born between 1930 and 1974 // *European Sociological Review*, vol. 26, no 3, pp. 367–383.
- Shavit Y., Blossfeld H.-P. (eds.) (1993) *Persistent Inequality: Changing Educational Attainment in Thirteen Countries*. Social Inequality Series. Westview Press.
- Sorokin P.A. (1959) *Social Mobility*. 2nd ed. Glencoe, Ill.: Free Press.
- Teckenberg W. (1990) The Stability of Occupational Structures, Social Mobility, and Interest Formation // *Class Structure in Europe: New Findings from East-West Comparisons of Social Structure and Mobility* (ed. Haller M.). N.Y.: M.E. Sharpe, pp. 24–58.

От редакции

Окончание статьи читайте
в следующем номере журнала «Мир России»

**Social Mobility in Soviet and Post-Soviet Russia:
a Revision of Existing Estimates Using Representative Surveys
of 1994, 2002, 2006 and 2013. Part 1**

G. YASTREBOV*

***Gordey Yastrebov** – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Laboratory for Comparative Analysis of Post-Socialist Development, Higher School of Economics; Doctoral Student, European University Institute. Address: office 553, 12, Malaya Pionerskaya St., Moscow, 115054, Russian Federation. E-mail: gordey.yastrebov@gmail.com

Citation: Yastrebov G. (2016) Social Mobility in Soviet and Post-Soviet Russia: a Revision of Existing Estimates Using Representative Surveys of 1994, 2002, 2006 and 2013. Part 1. *Mir Rossii*, vol. 25, no 1, pp. 7–34 (in Russian)

Abstract

This article revisits the evolution of intergenerational social mobility in Soviet and post-Soviet Russia. In particular, it looks at historical changes in the residential, educational and occupational mobility of Russians. The study contributes to the literature by extending the spectrum of institutional and historical contexts, in which the (in)equality of opportunity has been considered so far, re-examining existing evidence by using alternative datasets and a different methodology.

For an empirical investigation I utilize data from four representative cross-national surveys conducted in Russia in 1994, 2002, 2006 and 2013. Following the theoretical arguments developed in the comparative social mobility research and being informed by their empirical findings, I anticipated (1) a trend towards lesser openness in the late years of the Soviet era; (2) a temporary discontinuity of mobility patterns during the turbulent 1990s; and (3) the stagnation of social mobility in the more stable years of Russia's post-Soviet history. However, my findings reveal no unambiguous trends suggested by previous research, moreover they contradict some of the earlier evidence. In particular, I found (1) steadily decreasing residential mobility both in absolute and relative terms (implying increasing closure of residential communities); (2) a weakening link between parental and child educational attainment in the post-Soviet era; and (3) the invariance of social fluidity in terms of occupational attainment both in the Soviet and post-Soviet periods. The paper concludes by highlighting some of the remaining questions and possible directions for future research.

Published here is the first part of the article. In this part I first draw substantive distinctions between the notions of relative and absolute social mobility and their relevance for the interpretation of data about social mobility in Soviet and post-Soviet Russia. This is followed by a discussion of the theoretical considerations, from which I draw the hypotheses, and the methodological aspects, which underpin further analyses. The empirical part begins with presenting the estimates of changes in absolute mobility.

Keywords: social mobility, equality of opportunity, absolute mobility, relative mobility, intergenerational mobility, post-Soviet Russia, log-linear analysis

References

- Allison P.D. (1999) Comparing Logit and Probit Coefficients Across Groups. *Sociological Methods & Research*, vol. 28, no 2, pp. 186–208.
- Anikin V.A., Tikhonova N.E. (2008) Sotsial'no-professional'nyi status kak faktor sotsial'nogo neravenstva [Socio-Occupational Status as a Factor of Social Inequality]. *Sotsial'nye neravenstva i sotsial'naya politika v sovremennoi Rossii* (eds. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E.), Moscow: Nauka, pp. 96–111.
- Avraamova E.M. (1999) Sotsial'naya mobil'nost' v usloviyah rossiiskogo krizisa [Social Mobility in the Context of Russia's Crisis]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 3, pp. 5–12.

- Bessudnov A., McKee M., Stuckler D. (2012) Inequalities in Male Mortality by Occupational Class, Perceived Status and Education in Russia, 1994–2006. *European Journal of Public Health*, vol. 22, no 3, pp. 332–337.
- Borisov V.A. (1994) Sotsial'naya mobil'nost' v sovetskoj Rossii [Social Mobility in Soviet Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 114–118.
- Bourdieu P. (1983) Forms of Capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* (ed. Richardson J.G.), Greenwood Press, pp. 241–258.
- Bourdieu P., Passeron J.-C. (1990) *Reproduction in Education, Society and Culture*, Sage.
- Breen R. (ed.) (2004) *Social Mobility in Europe*, Oxford, New York: Oxford University Press.
- Breen R., Holm A., Karlson K.B. (2014) Correlations and Nonlinear Probability Models. *Sociological Methods & Research*, vol. 43, no 4, pp. 571–605.
- Breen R., Jonsson J.O. (2005) Inequality of Opportunity in Comparative Perspective: Recent Research on Educational Attainment and Social Mobility. *Annual Review of Sociology*, vol. 31, no 1, pp. 223–243.
- Bukodi E., Goldthorpe J.H. (2010) Market versus Meritocracy: Hungary as a Critical Case. *European Sociological Review*, vol. 26, no 6, pp. 655–674.
- Chernysh M.F. (1994) Sotsial'naya mobil'nost' v 1986–1993 godakh [Social Mobility in 1986–1993]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no 2, pp. 130–133.
- Chernysh M.F. (2005) *Sotsial'nye instituty i mobil'nost' v transformiruyushchemsya obshchestve* [Social Institutions and Mobility in a Transforming Society], Moscow: Gardariki.
- Cook L.J. (2007) *Postcommunist Welfare States: Reform Politics in Russia and Eastern Europe*, Ithaca: Cornell University Press.
- Erikson R., Goldthorpe J.H. (1992) *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*, Oxford University Press, USA.
- Featherman D.L., Jones L., Hauser R.M. (1975) Assumptions of Social Mobility Research in the U.S.: The Case of Occupational Status. *Social Science Research*, vol. 4, no 4, pp. 329–360.
- Filippov F.R. (1989) *Ot pokoleniya k pokoleniyu: sotsial'naya podvizhnost'* [From Generation to Generation: Social Fluidity], Moscow: Mysl'.
- Gerber T.P., Hout M. (1995) Educational Stratification in Russia During the Soviet Period. *American Journal of Sociology*, vol. 101, no 3, pp. 611–660.
- Gerber T.P., Hout M. (2004) Tightening up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition. *American Sociological Review*, vol. 69, no 5, pp. 677–703.
- Golenkova Z.T. (ed.) (1999) *Sotsial'noe rassloenie i sotsial'naya mobil'nost'* [Social Stratification and Social Mobility], Moscow: Nauka.
- Gromova R.G. (1998) Sotsial'naya mobil'nost' v Rossii: 1985–1993 gody [Social Mobility in Russia: 1985–1993]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no 1/2, pp. 15–39.
- Grusky D.B. (2001) The Past, Present, and Future of Social Inequality. *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective* (ed. Grusky D.B.). 2nd ed, Boulder, CO: Westview Press, pp. 3–51.
- Grusky D.B., Hauser R.M. (1984) Comparative Social Mobility Revisited: Models of Convergence and Divergence in 16 Countries. *American Sociological Review*, vol. 49, no 1, pp. 19–38.
- Klyachko T. (2009) Rossiiskoe obrazovanie v poiskakh otveta na novye vyzovy. [Education in Russia in the Face of New Challenges]. *Demoskop Weekly*, no 375–376. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0375/s_map.php#1, accessed 20 October 2015.
- Kozyreva P.M. (2013) Mezhpokolennaya sotsial'no-professional'naya mobil'nost' v postsovetskoj Rossii [Intergenerational Socio-Occupational Mobility in Post-Soviet Russia]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, no 1, pp. 60–73.
- Lukina V.I., Nekhoroshkov S.B. (1982) *Dinamika sotsial'noi struktury naseleniya SSSR: metodologiya i metodika issledovaniya* [The Dynamics of the Social Structure of the USSR Population: Methodology and Methods of Research], Moscow: Finansy i statistika.
- Marshall G., Sydorenko S., Roberts S. (1995) Intergenerational Social Mobility in Communist Russia. *Work, Employment & Society*, vol. 9, no 1, pp. 1–27.
- Matthews M. (1989) *Patterns of Deprivation in the Soviet Union Under Brezhnev and Gorbachev*, Hoover Press.
- Mkrtychyan N.V. (2013) Migratsiya molodezhi v regional'nye tsentry Rossii v kontse XX – nachale XXI veka [Migration of Youth Into Regional Centers of Russia in the End of XXth – the

- Beginning of XXIst Centuries]. *Izvestiya rossiiskoi akademii nauk*, series “Geography”, no 6, pp. 19–32.
- Mood C. (2010) Logistic Regression: Why We Cannot Do What We Think We Can Do, and What We Can Do About It. *European Sociological Review*, vol. 26, no 1. pp. 67–82.
- Narodnoe khozyaistvo SSSR za 70 let: yubileinyi statisticheskiy ezhegodnik* (1987), Moscow: Finansy i statistika.
- Payne G., Abbott P. (2005) *The Social Mobility Of Women: Beyond Male Mobility Models*, Routledge.
- Radaev V.V. (2002) Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiya [Term of Capital, Forms of Capitals and their Conversion]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no 4, pp. 20–32.
- Raftery A.E., Hout M. (1993) Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921–75. *Sociology of Education*, vol. 66, no 1, pp. 41–62.
- Róbert P., Bukodi E. (2004) Changes in Intergenerational Class Mobility in Hungary, 1973–2000. *Social Mobility in Europe* (ed. Breen R.), Oxford University Press, pp. 287–314.
- Roshchina Y. (2012) Intergeneration Educational Mobility in Russia and the USSR. *Proceedings of the Asian Conference on Education 2012 Conference*, Osaka: The International Academic Forum, pp. 1406–1426.
- Rutkevich M.N., Filippov F.R. (1970) *Sotsial'nye peremeshcheniya* [Social Transitions], Moscow: Mysl'.
- Saar E. (2010) Changes in Intergenerational Mobility and Educational Inequality in Estonia: Comparative Analysis of Cohorts Born between 1930 and 1974. *European Sociological Review*, vol. 26, no 3, pp. 367–383.
- Shavit Y., Blossfeld H.-P. (eds.) (1993) *Persistent Inequality: Changing Educational Attainment in Thirteen Countries*, Social Inequality Series. Westview Press.
- Shkaratan O.I. et al. (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoi Rossii* [Socio-Economic Inequality and Its Reproduction in Contemporary Russia], Moscow: OLMA Media Grupp.
- Shkaratan O.I. (2003) Sotsial'nye realii Rossii nachala 2000-kh gg. Predvaritel'nye itogi predstavitel'nogo oprosa rossiyan [Russia's Social Realities in the Beginning of 2000s. Preliminary Results from a Representative Survey]. *Mir Rossii*, vol. 12, no 2, pp. 46–80.
- Shkaratan O.I., Tikhonova N.E. (1996) Zanyatost' v Rossii: sotsial'noe rassloenie na rynke truda [Employment in Russia: Social Stratification at the Labor Market]. *Mir Rossii*, vol. 5, no 1, pp. 94–153.
- Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. (2007) Sotsial'no-professional'naya struktura naseleniya Rossii. Teoreticheskie predposylki, metody i nekotorye rezul'taty povtornykh oprosov 1994, 2002, 2006 gg. [Socio-Occupational Structure of Russian Population. Theoretical Assumptions, Methods and Some Results From Repeated Surveys in 1994, 2002, 2006]. *Mir Rossii*, vol. 16, no 3, pp. 3–49.
- Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. (2011) Sravnitel'nyi analiz protsessov sotsial'noi mobil'nosti v SSSR i sovremennoi Rossii [A Comparative Analysis of Social Mobility in the USSR and Contemporary Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 2, pp. 5–28.
- Sorokin P.A. (1959) *Social Mobility*. 2nd ed, Glencoe, Ill.: Free Press.
- Tarasenko V.I., Chernovolenko V.F. (eds.) (1988) *Mezhgeneratsionnaya trudovaya mobil'nost'* [Intergenerational Labor Mobility], Kiev: Naukova Dumka.
- Teckenberg W. (1990) The Stability of Occupational Structures, Social Mobility, and Interest Formation. *Class Structure in Europe: New Findings from East-West Comparisons of Social Structure and Mobility* (ed. Haller M.), N.Y.: M.E. Sharpe, pp. 24–58.
- Vishnevskii A.G. (2012) Rossiya: demograficheskie itogi dvukh desyatiletii [Demographic Outcomes of the Last Two Decades]. *Mir Rossii*, vol. 21, no 3, pp. 3–40.
- Yakovlev A.A. (2012) Kommunisticheskie ubezhdeniya i ih vliyanie na razvitie ekonomiki i obshchestva: primeneniye novykh podkhodov D. Norta k analizu istoricheskogo opyta SSSR [Communist Beliefs and Their Influence on Social and Economic Development (Application of Douglass North's New Approach to the Historical Experience of the Soviet Union)]. *Mir Rossii*, vol. 21, no 4, pp. 154–167.
- Yastrebov G.A. (2009) Vosproizvodstvo sotsial'no-professional'nykh grupp v sovremennoi Rossii [Reproduction of Socio-Occupational Groups in Contemporary Russia]. *Mir Rossii*, vol. 18, no 2, pp. 116–140.